

УДК 272-5+74

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-5-10-30

Пояс епископа Цезария Арелатского: между «вещью» и «символом»

Дарья М. Омельченко

*Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия dorothy_om@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросу о принадлежности кожаного пояса с костяной пряжкой из Музея античного Арля епископу Цезарию Арелатскому (503–542). Проблема заключается в отсутствии нарративных источников, прямо указывающих на Цезария как обладателя этой вещи. Высокая стоимость последней не сочеталась с аскетической репутацией епископа, хотя не отменяла возможности дарения ее кем-то из ближайшего круга сподвижников (или сторонников). Исследуется орнамент подвижного кольца пряжки и иконографический тип сюжета Воскресения Христова, вырезанного на ее поверхности. Отдельные части пояса, их художественное оформление и техника изготовления находят параллели с различными артефактами (пряжками, саркофагами, диптихами), хранящимися в других музеях или открытыми в ходе археологических раскопок на территории Галлии. Обзор составных элементов богослужебного облачения позднеантичного духовенства приводит автора к выводу, что подобный пояс не мог иметь литургического статуса. На основании нарративных источников, связанных с жизнью и деятельностью Цезария, делаются предположения о возможных внебогослужебных контекстах ношения такого пояса. Приведенные в исследовании данные делают возможным не только отнести арльский экспонат ко времени жизни епископа Цезария, но и рассматривать последнего в качестве наиболее вероятного обладателя этой вещи.

Ключевые слова: пояс, аворий, пряжка, хризма, символ, реликвии, Воскресение Христа

Для цитирования: Омельченко Д.М. Пояс епископа Цезария Арелатского: между «вещью» и «символом» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 5. С. 10–30. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-5-10-30

The belt of bishop Caesarius of Arles. Between the ‘thing’ and the ‘symbol’

Darya M. Omelchenko

*St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia, dorothy_om@mail.ru*

Abstract. The article studies the question whether bishop Caesarius of Arles (503–542) could be the owner of a leather belt with an ivory buckle from the Museum of Antique Arles. The issue is the absence of narrative sources directly proving that idea. High price of the object did not match the bishop’s ascetic reputation. Still that did not preclude that someone from the closest circle of his associates or supporters could make that gift to Caesarius. The article studies the ornament of the movable ring of the buckle and the iconographic type of the plot of the Resurrection of Christ carved on its surface. Some parts of the belt, its decoration and manufacturing techniques find parallels with various artifacts (buckles, sarcophagi, diptychs) stored in other museums or discovered during archaeological excavations in Gaul. A review of the elements of the liturgical vestments of the clergy of Late Antiquity led to the conclusion that the belt could not have a liturgical status. On the basis of narrative sources related to the life and work of Caesarius, the author makes assumptions about the possible extra-liturgical contexts of wearing such a belt. The data presented in the study make it possible not only to attribute the belt to the period of bishop Caesarius’s life, but also to consider the latter as the most likely owner of the thing.

Keywords: belt, ivory, buckle, chrismon, symbol, relics, Resurrection of Christ

For citation: Omelchenko, D.M. (2021), “The belt of bishop Caesarius of Arles. Between the ‘thing’ and ‘the symbol’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 10–30, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-5-10-30

Кожанный пояс с пряжкой из слоновой кости (рис. 1), хранящийся в Музее античного Арля, принято связывать с именем епископа Цезария Арелатского (годы епископства: 503–542). Выходец из монашеской среды, Цезарий был крупным церковным политиком, первым викарием папы Римского в Галлии, устройтелем церковных соборов, организатором регулярной формы женской аскезы. Он уделял много внимания церковной благотворительности, был сторонником «безыскусной» проповеди и уже при жизни слыл чудотворцем.

Рис. 1

Ремень, владельцем которого считается Цезарий, – это исторический источник, уникальность которого оставляет открытыми многие вопросы его интерпретации. Доступ исследователей к экспонату осложнен тем, что с первой половины XIX в. и до настоящего времени он прикреплен шнурами и сургучными епископскими печатями (подтверждающими подлинность) к деревянной пластине. По сути, единственным доказательством того, что данная вещь принадлежала именно Цезарию, является церковное предание. Из письменных источников лишь «Завещание» упоминает некий «пояс из тех, что получше» (*cinctorium meliorem*)¹, который передается одному из сподвижников. Естественно-научные методы для определения возраста этой вещи до настоящего времени не использовались, а без них нельзя сделать окончательные выводы. На основании анализа археологических данных и применяя некоторые искусствоведческие методики, мы выскажем предположения о том, насколько возможно отнести пояс с пряжкой к эпохе Цезария и какую роль он мог играть в гардеробе епископа.

Начнем со сделанной из слоновой кости пряжки размером 5 × 10,5 см. На прямоугольной поверхности вырезан евангельский сюжет: Гроб Господень, по бокам – двое спящих воинов. Фоном служат аркады, символизирующие Иерусалим. Пряжка обрамлена орнаментом в виде иоников, а подвижная прямоугольная кольцевая петля – орнаментом в виде виноградной лозы. Гроб Господень

¹Testamentum sancti Caesarii, 44 // Césaire d'Arles. Oeuvres monastiques / Trad. et introd. par J. Courreau et A. de Vogüé. Vol. 1. P: Éditions du Cerf, 1988. P. 381–397. (Sources Chrétiennes, 345) (Далее – Testamentum)

Рис. 2

предстает как двухъярусное невысокое здание: уснувшие стражники опираются на его нижний куб. Верхняя постройка – это ротонда с конусообразным куполом. Купол лежит на резном архитраве и четырех гладких колоннах, имеющих коринфские базы и капители. Резные двери нижнего яруса закрыты. Подобная конструкция – один из характерных для Поздней античности иконографических типов архитектурной темы святого места². Ближайшей по времени аналогией является «Бамбергский аворий» (ок. 400 г.) (рис. 2). Внешне Гроб Господень на пряжке Цезария напоминает также мраморный мавзолеум из Нарбоннского музея-лапидария³.

Мотив римских воинов (число их варьируется), спящих у Гроба, часто встречается в греко-римском декоративно-прикладном искусстве IV–VI вв. В большинстве случаев эта сцена включена

² Recio Vaganzones A. La representación arquitectónica de la Rotonda del Santo Sepulcro en la escultura paleocristiana de Occidente // Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries. Archaeological Essays in Honour of Virgilio Corbo. Jerusalem, 1990. P. 571–590. (Studiura Franciscanum Collectio Maior, 36)

³ Palol y Salellas P., de. Una representación del Martyrium de Jesucristo en el Museo Lapidario de Narbona // Archivo de prehistoria levantina. 1954. Vol. 5. P. 275–282.

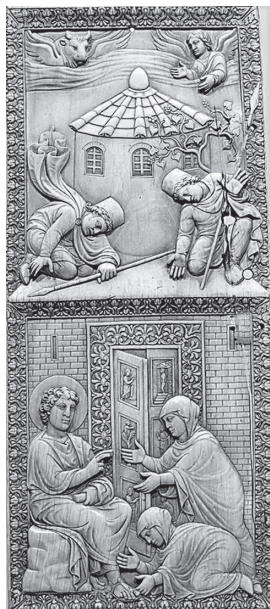

Рис. 3

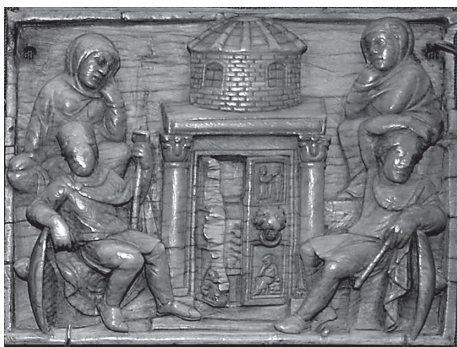

Рис. 4

Рис. 5

или в цикл, повествующий о различных событиях Евангельской истории (как на том же «Бамбергском авории» и на диптихе Три-вульчи конца IV в.; рис. 3), или в ней присутствуют дополнительные персонажи, вроде жен-мироносиц (например, на плакетке из Лондонского музея, ок. 430; рис. 4). Иконографический вариант композиции арльского авория находит параллели в центральных частях Латеранского саркофага Страстей (350 г.; рис. 5) и мраморного саркофага из музея Пио-Кристиано (ок. 350).

Рис. 6

Интерес представляет такая иконографическая деталь, как скрещенные ноги спящих воинов. Византинист С.Н. Гукова пишет, что в античном искусстве изображение скрещенных ног выражало «неопределенность состояния сна, напоминающего смерть. В древности эта тема была широко распространена в погребальном культе как изображение уснувшей души умершего, пробудившегося от сна смерти благодаря прикосновению божества: сцена предполагала присутствие смертного, погруженного в сон, и бога, который разбудил его для новой жизни. <...> Уже в эллинистическую эпоху формула “сон – смерть” выражала и идею посмертного воскресения. <...> Иконографическая схема могла войти в христианское искусство через образ Диониса <...> Речь в данном случае идет не столько об ассоциации “сон – смерть”, сколько о воскресении и обновлении – представлениях, связанных с культом Диониса» [Гукова 2015, с. 136–137]. Отсылка к Дионису приобретает особую наглядность, если сопоставить позы спящих воинов на пряжке и позу античного бога на коптской костяной пластине VI в. из Аахенского собора (рис. 6).

Рис. 7

Другим примером проникновения атрибутов Диониса в христианскую иконографию является виноградный орнамент: «Священные лозы винограда и плюща нередко встречаются в христианских памятниках в виде декоративного элемента. Символика неистребимости жизни, связанная с языческим богом продуктивных сил земли, находит точку соприкосновения с христианской идеей воскресения, неистребимости и вечности жизни» [Гукова 2015, с. 137]. Будучи переосмыслен христианами писателями и художниками в свете Евангелия (Ин. 15:1–5), символ виноградной лозы стал указывать на Самого Христа, Евхаристию, Божественное избрание народа Божия – т. е. Церковь. Любопытно, что лоза как элемент декоративно-прикладного искусства была не слишком частым явлением в западной части Римской империи. Зато этот мотив распространен на коптских и сирийских позднеантичных памятниках. Сочетание виноградного орнамента с иониками на арльском авории невольно рождает ассоциации с фризом храма Бела в Пальмире (I в. н. э.) (рис. 7). Разумеется, узорчатая база не дает возможности настаивать на этом, однако не мешает выдвинуть предположение о восточных образцах, которыми мог воспользоваться резчик.

Итак, изображение на арльской пряжке является одним из вариантов сюжета Воскресения Христова (Анастасис) в искусстве Поздней античности. Мастер, делавший пряжку, заимствовал отдельные элементы композиции (храм с ротондой, скрещенные ноги спящих воинов) и орнамент из обширного арсенала христианского декоративно-прикладного искусства Средиземноморья середины IV–V в. Если сопоставлять уровень мастерства, с которым

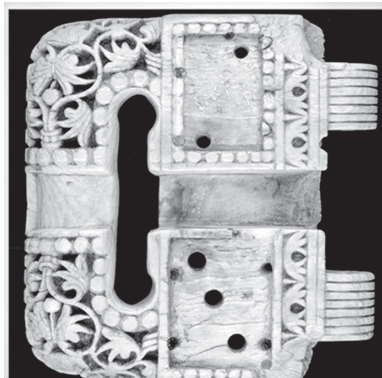

Рис. 8

вырезан евангельский сюжет на арльской пряжке, с ранее упомянутыми образцами византийского искусства Поздней античности или даже с тем, что еще в V в. могли предложить южногалльские резчики по камню⁴, то он будет не столь высоким. Откуда же могли происходить мастера, изготовившие пряжку?

Ответ на этот вопрос затруднен тем, что на сегодняшний момент существует лишь один артефакт, очень похожий на кольцо арльской пряжки. Но он сохранился частично, и его происхождение неизвестно. Речь идет о кольце от пряжки из слоновой кости, проданном в 2005 г. на аукционе Сотбис. Ныне оно хранится в «Коллекции Аль-Сабах» Национального музея Кувейта (рис. 8). Орнамент в виде виноградной лозы и «жемчужный» контур отличаются тщательностью исполнения. Специалисты Сотбис отнесли это кольцо к эпохе Омейядов, а именно – к VIII–IX вв. Резчика по кости они связали с территорией Сирии или Испании. Однако археологи из университета Кантабрии Э. Гутьеррес Куэнка и Х.А. Йерро Гарате поставили под сомнение заключение экспертов аукционного дома [Qutiérrez Cuenca, Hierro Gárate 2015].

Ученые обратили внимание на особенности крепления подвижного «кувейтского» кольца к остальной (ныне утраченной) части пряжки. Кольцо имеет два полуцилиндрических перфорированных выступа, украшенных несколькими прорезанными параллельными линиями. Такие же перфорированные выступы, только

⁴Smith E.B. Early Christian Iconography and a School of Ivory Carvers in Provence. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press; L.: Oxford Univ. Press, 1918. 325 p.

расположенные в шахматном порядке, предполагались на самой пряжке. Кольцо и пряжка соединялись посредством металлического штифта, проходящего сквозь отверстия выступов. Идентичный шарнирный механизм имеет арльская пряжка. В обоих случаях кольцо симметрично делится на две части и имеет желоб для язычка. Выполненные трепаном вырезы отличаются: у арльской пряжки более четкий абрис подковообразной на концах формы. С другой стороны, «кувейтское» кольцо, в отличие от арльского, предполагало кабошоны.

Испанские ученые на основании большого числа археологических свидетельств отметили, что способ скрепления «кувейтского» кольца к пряжке, а также особенности оформления выступов имеют хронологическую и географическую привязку вовсе не к миру Омейядов, а к некоторым областям Галлии [Qutiérrez Cuensa, Hierro Gárate 2007]. Для прямоугольных пряжек типа «А» (к которой, скорее всего, принадлежала «кувейтская» и, несомненно, принадлежит арльская) характерны размеры $4/5 \times 5,1/8,2$ см, подвижная прямоугольная кольцевая петля, описанный выше способ крепления; они сделаны в основном из бронзы, но также из слоновой кости, костей диких животных и морских китообразных. Такие пряжки часто обнаруживаются в некрополях Бургундии, Франш-Конте, западной Швейцарии и на севере региона Рона-Альпы и относятся к хронологическому промежутку от второй половины V в. до второй трети VI в. [Martin 1988, S. 171]. Часто пряжки служили реликвариями, где хранились принесенные из паломничеств в различные места вещи: воск, кусочки материи, семена растений. На территории Бургундии они могли входить в погребальное облачение священников [Martin 2001]. Наряду со всевозможными вариациями «звериного стиля», пряжки этого типа украшались сюжетами, которые можно однозначно интерпретировать как христианские: вход Господень в Иерусалим, Христос между Петром и Павлом, Даниил во рву львином [Gaillard de Sémainville 2008]. При этом исследователи уверены, что в могилах, где найдены подобные артефакты, погребены не бургунды, а галло-римляне [Martin 1979]. Следует отметить, что арльский пояс принадлежал именно мужчине, поскольку застегивался на «мужскую» сторону [Schulze-Dörrlam 2009, S. 293–302].

Цезарий являлся уроженцем бургундского города Кабиллона (совр. Шалон-сюр-Сон)⁵. Там прошли его детство и юность, там

⁵Vita sancti Caesarii. I. 3 / Introd., revis. de texte critique, trad., notes et index par M.-J. Delage avec la collab. de M. Heijmans. P., 2010. (Sources Chrétiennes 536) (Далее – Vita)

же он начал свой путь клирика. Однако всю последующую жизнь он провел на территориях, которые находились под управлением вестготов или остготов, враждовавших с бургундами. Бургундское происхождение Цезария давало готским властям повод для постоянных подозрений епископа в политических симпатиях к соотечественникам⁶. Какие-то отношения с бургундами у епископа действительно были: однажды, когда в церковных кладовых не осталось съестных припасов, бургундский король Гундобад (480–516) и его сын Сигизмунд (516–523) прислали в Арелат корабли с зерном⁷. Возможно, это была благодарность за инициированный Цезарием выкуп бургундских пленников.

Исходя хотя бы из этих соображений, представляется вполне возможным, что сделанная на территории Бургундского королевства вещь могла оказаться в гардеробе Арелатского епископа. К сожалению, в настоящее время нельзя посмотреть, маркированы ли арльский аворий именем мастера – как это порой бывало с «бургундскими» пряжками VI в. [Schulze-Dörrlamm 2009, S. 306]. Проблема еще и в том, что христианские мотивы на «бургундских» пряжках иные по стилю [Gaillard de Sémainville 2008]. Изображенные на них фигуры условны и лишены объема, складки одежд прочерчены уходящими на одинаковую глубину прямыми или слегка волнистыми линиями. Напротив, в сюжете и композиции арльской пряжки – при всем неумении мастера соблюсти пропорции человеческих тел, передать форму римских шлемов, вписать ритм ионического орнамента в периметр прямоугольника – видно подражание античным приемам. Наконец, трудность заключается в том, что южногалльские погребения, относящиеся к VI в., где сохранились остатки одежды, неизвестны, поэтому провести аналогии с арльским экспонатом невозможно⁸.

Уникальность пояса из Арля не только в прекрасной сохранности целой костяной пряжки, но и в наличии кожаной части ремня. Его длина неизвестна, а ширина в самом узком месте – 4,8 см. Наибольший интерес представляет вышитая хризма (рис. 9). В основе монограммы – крест, сформированный двумя раздвоенными на концах перекладинами. Горизонтальная перекладина, проходящая посередине вертикальной, сильно укорочена, а ее раздвоенные концы настолько загнуты, что создают впечатление двух соприкасаю-

⁶ Ibid. I. 29.

⁷ Ibid. II. 9.

⁸ *Périn P.* Le costume et ses implications sociales et ethniques possibles dans la moitié nord de la Gaule mérovingienne // *Revue belge de philologie et d'histoire*. T. 96, fasc. 2. 2018. Histoire – Geschiedenis. P. 725.

щихся «спинами» полумесяцев. Хризма напоминает якорь – «иконный синоним всех слов, выражающих надежду»⁹ (ср.: Евр. 6:18–19). Крест-якорь был чрезвычайно характерен для раннехристианского декоративного искусства и часто встречается в эпиграфике Арля¹⁰.

Рис. 9

К горизонтальной перекладине прикреплены греческие буквы Α и ω, восходящие к Откровению Иоанна: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец» (Апк. 1.8; 21.6) и Книге пророка Исайи: «Я есмь первый и последний» (Ис. 44:6; 48:12). Символически они указывали на Божественную природу Христа, а их появление рядом с хризмой обычно связывают с антиарианской полемикой¹¹. Эпиграфические характеристики букв Α и ω на поясе Цезария не могут служить надежным указателем территориальной принадлежности мастеров: такое начертание встречается повсюду в Средиземноморье в V–VI вв.

Интересно начертание греческой буквы Ρ, образующей вертикальную перекладину креста: небольшой хвостик под овалом напоминает латинскую букву R. Как заметил исследователь христианских древностей А. Леклерк¹², такие «латинизированные» монограммы не были редкостью в Галлии во 2-й половине V–VI вв.

⁹ Уваров А.С. Христианская символика. Ч. 1: Символика древнехристианского периода. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1908. С. 175.

¹⁰ Там же. С. 123.

¹¹ Барсов Н.И. Крест // Христианство: энциклопедический словарь. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. С. 834.

¹² Leclercq H. Chrisme // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. Vol. 3. P. 1. P.: Letouzey et Ané, 1913. Col. 1505.

в эпитафийке и в декоре саркофагов (например, на арльском саркофаге Гемина¹³). Подобная монограмма Христа и на «пюпитре Радегунды», который отдельные исследователи склонны считать когда-то принадлежавшим Цезарию. Между тем на территории Италии к концу V в. «латинизированная» хризма на саркофагах и надписях была редкостью.

Раньше всего такая форма появились на греческом Востоке. Археологические изыскания М. де Вогюэ на территории Центральной Сирии в 1860-е гг. выявили повсеместное использование в первые десятилетия V в. «латинизированных» хризм – как элемента отделки общественных и частных зданий¹⁴. В конце XIX в. Ж. Лоран обнаружил большое число подобных монограмм на импостах базилик и на облицовочных плитках в Дельфах. Присутствие рядом с такого типа хризмами орнаментов в виде листьев мягкого аканта и редких для христианского искусства водяных листьев позволило отнести эти архитектурные элементы к периоду между 420 и 450 гг.¹⁵ Примерами такой хризмы могут служить также мозаика на полу базилики Панагия Хрисополитисса на Кипре (IV–VI вв.) и сирийская по происхождению золотая монограмма, украшенная тремя гранатами (VI в.) из Кливлендского музея искусств¹⁶. По заключению А. Леклерка, в Галлию данный тип хризмы проник именно с Востока, без посредничества Рима¹⁷. Это кажется вполне правдоподобным, если учесть, что Арль издавна являлся крупным центром международной торговли. В городе находилось много выходцев с Востока, и сирийцы составляли заметную часть населения, что засвидетельствовано археологическими находками и данными эпитафийки¹⁸.

Таким образом, вышивка указывает, скорее, на южногалльское происхождение кожаной части пояса, а ее «ортодоксальный» характер ограничивает круг поисков галло-римской средой. Епископство Цезария вполне вписывается в хронологические границы бытования подобной хризмы в этом регионе.

¹³ *Fevrier P.-A. Sarcophages d'Arles // La Méditerranée de Paul-Albert Février [recueil d'articles]. Rome: École Française de Rome, 1996. P. 346. (Publications de l'École française de Rome, 225)*

¹⁴ *Vogüé M. Syrie centrale. Architecture civile et religieuse du Ier au VIIe siècle Syrie. T. 1. P.: Forgotten Books, 1865.*

¹⁵ *Laurent J. Delphes chrétien // Bulletin de correspondance hellénique. 1899. Vol. 23. P. 206–279.*

¹⁶ *Handbook of the Cleveland Museum of Art. Cleveland, OH: The Cleveland Museum of Art, 1966. P. 39.*

¹⁷ *Leclercq H. Op. cit. Col. 1511.*

¹⁸ *Smith E.B. Op. cit. P. 194.*

Наконец, при анализе арльского экспоната неизбежно встает не менее важный вопрос: что мог подпоясывать таким ремнем епископ? Ответ на него не столь очевиден, как может показаться. Представления об епископских одеждах, которое можно составить на основании письменных и изобразительных источников, подтверждает тезис исследователей о том, что церковное облачение в VI в. походило на гражданскую одежду римлян (что отразилось и в заимствовании названий) [Адамова 2019, с. 10–13]. В качестве нижней одежды носилась длинная туника с длинными узкими рукавами – альба (alba) или с рукавами по локоть – колобий (от греч. κόλῳβος – локоть). Она обычно изготавливалась из льняной ткани. Для удобства альба или колобий стягивались поясом (cinctura). В одеянии представителя Церкви этот аксессуар получал дополнительные смыслы. Напоминая о Христе, Который, препоясавшись, омыл ноги Своим ученикам (Ин. 13:3), пояс символизировал верность Богу, бодрую готовность служить Ему и одновременно Божественную помощь и защиту. Вот лишь некоторые из цитат Писания, обычно сопровождавшие рассуждения церковных писателей по поводу этой детали одежды: «Бог препоясывает меня силою и направляет меня по верному пути» (Пс. 17:3); «Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиной» (Еф. 6:14). В случае с Цезарием можно предположить и следование монашеской традиции, где препоясывание означало обуздание страстей и помыслов¹⁹.

Однако для подпоясывания альбы достаточно было обычной веревки, которая завязывалась узлом без всякой пряжки. К тому же альба, будучи повседневной и литургической нижней одеждой, предполагала нечто надетое или накинутое сверху – далматику или казулу. Далматика (dalmatica) – верхняя туника с широкими рукавами до запястий и с двумя вертикальными полосами от горловины до пола и по нижнему краю рукавов. Казула (casula) восходила к римскому плащу с капюшоном и представляла собой длинное ниспадающее с плеч одеяние. Она покрывала тело клирика в равной степени спереди, сзади и с боков²⁰. Как видно, например, на мозаиках в капелле Сан-Витторе (рис. 10) церкви Сант-Амброджо в Милане (IV–V вв.), далматика и казула не предполагали препоясывания. Иными словами, во время литургии пояс епископа был чем-то прикрыт. Вообще, в отличие от дарованного Цезарию папой

¹⁹ *Иоанн Кассиан Римлянин. Установления общежительных монастырей // Иоанн Кассиан Римлянин. Творения. М.: Сибирская благочинница, 2020. С. 161–346.*

²⁰ *Ломакин Н. Казула // Православная энциклопедия. Т. 29. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 371–373.*

Рис. 10

Симмахом паллия (узкого белого шарфа с вышитой хризмой), чей литургический статус очевиден, о кожаном поясе с костяной пряжкой этого сказать нельзя. Поэтому данный аксессуар вряд ли был частью «пасхальной одежды» (*“vestimenta paschalia”*), завещанной Арелатским епископом своему преемнику²¹.

Слоновая кость — материал на Западе дорогой и недоступный для массового производства изделий из него. Наряду с широким кожаным поясом, довольно крупная костяная пряжка в позднеантичном мире служила показателем очень высокого социального статуса владельца. В гардеробе епископа, который поддерживал репутацию аскета и подтвердил ее в своем «Завещании», нахождение столь дорогой, но не имеющей литургического значения вещи можно попытаться объяснить несколькими причинами. К сожалению, в настоящий момент нельзя установить, использовалась ли пряжка в качестве реликвария. Однако «Житие» и две с лишним сотни проповедей Цезария способны дать, скорее, отрицательный ответ. Арелатский епископ совершенно спокойно относился к культу реликвий и мощей: не запрещал, но и не поощрял его. Насколько можно судить, все собственные религиозные переживания епископа, а также его наставления пастве были связаны исключительно с размышлениями над Писанием и с молитвенной практикой.

Не подпадает арльский аворий и под категорию евлогий — мемориальных предметов, приносившихся паломниками из святых мест. Во-первых, в самом Иерусалиме не было найдено ни одной подобной пряжки из слоновой кости, которая могла бы свидетельствовать

²¹ Testamentum. 14.

о продаже там таких предметов в качестве сувениров. Во-вторых, в восточной части бывшей империи вообще неизвестны пряжки с такими подвижными прямоугольными петлями. В-третьих, происходившие непосредственно из Палестины евлогии – ампулы и пиксиды – запечатлевали Гроб Господень не как двухъярусное здание, а как киворий – легкую арочную конструкцию со ступенчатым подиумом и витыми колоннами.

Итак, дорогой пояс вряд ли мог быть предметом личного благочестия. Вышитая хризма, резная миниатюра пряжки и, видимо, способ застегивания ремня на манер «галстучного узла» [Périn 2018, p. 727] указывают на то, что пояс ничем не закрывался и был доступен для всеобщего обозрения. В той семантической системе, которую представляла собой одежда епископа – как публичной персоны и носителя духовной власти, – подобный пояс мог занимать важное место. Несмотря на подчеркнuto монашеский образ жизни, деятельность Цезария выходила далеко за пределы ритуальных контекстов. Многообразные формы социального призрения, отстаивание прав Арелатской кафедры перед лицом церковных и светских иерархов, устройство монастырей, проведение церковных соборов в различных южногалльских городах – все это требовало от епископа активной позиции. Это не только фигура речи: Цезарий постоянно путешествовал по диоцезу²² – как в целях исполнения пастырских обязанностей и проверки состояния приходов, так и для подтверждения (а часто и утверждения) своих епископских прав на территорию. Хотя бы раз в год он старался побывать в самых отдаленных уголках диоцеза, границы которого служили предметом пререканий с другими южногалльскими епископами.

Все эти пунктиром обозначенные ситуации предполагали репрезентацию властных полномочий. Одежда и аксессуары, будучи ее средствами, задействовали понятную современникам, но с трудом реконструируемую теперь игру смыслов. В таких контекстах пояс одновременно мог указывать на духовную власть епископа и на ортодоксальность его веры. Конечно, при этом нужно предполагать способность хотя бы части зрителей не просто видеть драгоценную вещь, но и «считывать» заложенные в ней смыслы. Символический язык пояса, прежде всего, свидетельствовал о его владельце как человеке глубоко религиозном. В вышивке на ремне, в сюжете и орнаменте авория сказано о самом существенном в жизни Церкви – Христе: Смерть Спасителя (крест) дает каждому

²² Vita I. 5, 39–41, 43, 47, 49–51; II. 2–4, 10–16, 18, 20–22, 25, 27, 29, 30, 39–42; *Césaire d'Arles. Sermons au peuple* 6.1 / Trad., introd., notes, index par M.-J. Delage. P.: Éditions du Cerf, 1971. (Sources Chrétiennes, 175)

истинному члену Его Церкви (А и ѱ, виноградная лоза) надежду (якорь) на Воскресение в вечную жизнь (собственно композиция «Анастасис»).

Разумеется, имевший репутацию строгого аскета епископ не мог напрямую выступать заказчиком кожаного пояса с аворием. Скорее всего, вещь была подарком. Следует учесть, что дары в позднеантичном мире – не просто знаки внимания. *Ars donandi*, искусство принятия даров и обмена ими, было сродни дипломатии. Цезарий, демонстрируя желание довольствоваться малым, даже в начале своей карьеры мог весьма вольно распоряжаться дорогими дарами. Все сколько-нибудь ценное он тут же употреблял на дела милосердия: неважно, выступали донаторами зажиточные арлезианцы²³ или даже сам король Теодорих Великий²⁴. Если пояс действительно принадлежал Цезарию, то его бережное отношение к такой вещи могло указывать на то, что дарителем выступал кто-то из близкого круга почитателей: на языке *ars donandi* такая вещь не могла означать покровительства со стороны дарителя или ожидания ответной лояльности епископа и его поддержки в каких-то мирских вопросах.

«Бургундский» тип пряжки мог бы указывать, например, на уже упоминавшихся королей Сигизмунда и Гундобада. Но обстоятельства их контактов с Цезарием неясны, вряд ли вообще они были лично знакомы с ним. К тому же, как уже отмечалось, «бургундский» шарнир и форма пряжки сочетаются с вполне «римскими» композицией и орнаментом. Наконец, вышитая хризма, скорее, указывает на южногалльское происхождение. Не берясь с уверенностью утверждать, что кожаная часть и костяная пряжка изначально были задуманы как единое целое, мы все же рискуем предположить, что мастеров не стоит искать далеко от Арелата. Этот крупный город во времена Цезария был экономическим и политическим центром южной Галлии, за обладание которым постоянно вели борьбу правители различных варварских государств. С 392 г., когда префект Галлий перенес сюда из Трира свою резиденцию, Арелат постепенно становился «маленьким галльским Римом»²⁵, в том числе и с точки зрения производства товаров «престижного потребления». В городе, расположенном на границе между

²³ Vita I. 32; *Caesarius Arelatensis Regula virginum* 45, 55 // Césaire d'Arles. *Oeuvres monastiques* / Trad. et introd. par J. Courreau et A. de Vogüé. P., 1988. Vol. I. (Sources Chrétiennes, 345)

²⁴ Vita I. 37–38.

²⁵ *Авсоний*. Перечень знаменитых городов / Пер. Б.И. Ярхо // Авсоний. Стихотворения / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. С. 230.

мирами остготов, вестготов, франков, бургундов, галло-римлян и наводненным купцами и ремесленниками из различных уголков Средиземноморья, даже в смутные времена начала VI в. вполне могли найти мастера, способные изготовить такую вещь.

Даритель кожаного ремня с пряжкой явно должен был не только располагать соответствующими средствами для оплаты труда ремесленников, но и знать толк в «статусных» вещах, а также понимать глубину заложенного в художественном оформлении смысла. Как представляется, больше всего на эту роль подходит патриций Петр Марцеллин Феликс Либерий (ок. 465 – ок. 554)²⁶ – глава воссозданной в Галлии Теодорихом Великим преторианской префектуры (с 510 или 511 г.). В течение своей долгой жизни находясь на службе у нескольких правителей, Либерий проявил себя как незаурядный государственный и военный деятель. При этом он был человеком высокой культуры, состоящим в переписке с такими видными интеллектуалами того времени, как Авит Вьеннский, Эннодий и Кассиодор. О довольно тесных отношениях между высокопоставленным чиновником и епископом говорят несколько фактов. Именно Цезарий был приглашен Либерием для освящения построенной на средства префекта базилики в Аравсионе (Оранже)²⁷. Город недавно был присоединен к остготскому государству и не находился в сфере юрисдикции Арелатской кафедры. Скорее всего, именно при содействии Либерия Цезарий в качестве папского викария провел в этом городе в 529 г. церковный собор, положивший (на некоторое время) конец богословским спорам о свободной воле и ставший символической вершиной в карьере епископа. Неслучайно Либерий первым из светских лиц поставил свою подпись под решениями собора²⁸. Видимо, префект взаимодействовал с епископом не только из политических соображений. О личной симпатии сообщает «Житие»: однажды, будучи смертельно ранен в вооруженной стычке с вестготами, Либерий позвал для последнего причастия именно Цезария, и епископ чудесным образом исцелил его²⁹. В другой раз Цезарий исцелил жену Либерия – Агрецию – от давней болезни³⁰.

Пояс с пряжкой мог быть подарен Либерием в благодарность за исцеление. Такой подарок, подчеркивая высокий статус полу-

²⁶ O'Donnell J.J. Liberius the Patrician // *Traditio*. 1981. No. 37. P. 31–72.

²⁷ Concilium Arausicanum a. 529. Praefatio // *Monumenta Germaniae Historica. Conc.* T. I.

²⁸ Ibid. I. P. 53.

²⁹ Vita II. 10–12.

³⁰ Vita II. 13.

чателя, в то же время как нельзя лучше соответствовал бы тому, что известно о личной религиозности Цезария. Нарративные источники ничего не сообщают о глубоких впечатлениях епископа от встречи с какой-нибудь святыней или о святом, которого он считал бы своим личным патроном. Зато о молитве, чтении Писания, размышлении над хранящимися в памяти многочисленными библейскими отрывками они свидетельствует постоянно. В монашеской традиции, к которой Цезарий приобщился еще в юности, пояс – это символ смирения плоти и духовной трезвости.

Скорее всего, пояс не фигурирует в «Завещании» Цезария, поскольку стал частью погребального одеяния епископа. По крайней мере, это предположение не противоречит раннесредневековой галльской практике хоронить служителей Церкви в подобных поясах [Martin 1979; Martin 1988]. То, что пояс с пряжкой не просто дошел до наших дней, но и хорошо сохранился, можно считать результатом исторической случайности. Тело епископа Цезария покоилось в основанной им монастырской базилике до IX в. В 883 г., после разграбления Арля норманнами и сарацинами, епископ Ростанг разделил вещи и останки Цезария и поместил их в разные церкви. Вещи, сложенные в четыре коробки, долгое время хранились за алтарем церкви Сен-Блез монастыря св. Цезария. Во время Французской революции 1789–1791 гг. монастырь был разрушен, но коробки с реликвиями удалось вынести. Позже они были помещены в церковь Богородицы (Eglise Notre-Dame-de-la-Major) в Арле³¹. Таким образом, наряду с остатками одежды, обуви и посохом, пояс с пряжкой мог быть почитаемой контактной реликвией – вещью, которой святой пользовался при жизни и которая соприкасались с его телом после смерти.

Итак, при невозможности опереться в своих суждениях об аутентичности вещи на нарративные источники и результаты естественно-научных исследований, мы все же считаем возможным отнести экспонат из Музея античного Арля не только ко времени жизни епископа Цезария, но и рассматривать последнего в качестве наиболее вероятного обладателя этой вещи. О хронологической и территориальной привязке к Южной Галлии говорят прежде всего графические особенности вышитой хризмы. Хотя форма пряжки и способ крепления подвижного кольца относятся к типу «бургундских», композиция и орнамент – это пример семантической трансформации античной иконографии. Арелат – как галло-римский по преимуществу город, крупный центр ремесла и средиземноморской

³¹ Benoit F. La tombe de saint Césaire d'Arles et sa restauration en 883 // Bulletin Monumental. 1935. Vol. 94. No. 2. P. 137–143.

торговли – вполне мог быть тем местом, где была изготовлена эта вещь. Довольно широкий кожаный пояс с костяной пряжкой, будучи показателем высокого статуса своего носителя и вещью дорогостоящей, мог оказаться в гардеробе аскета Цезария в качестве подарка. Во всяком случае, обстоятельства жизни Арелатского епископа вполне допускают вероятность этого.

Благодарности

Выражаю признательность за ценные замечания, высказанные в ходе подготовки статьи, кандидату исторических наук С.Н. Гуковой и доктору исторических наук А.А. Паламарчук.

Acknowledgements

I express my gratitude for the valuable comments made during the preparation of the article to S.N. Gukova and A.A. Palamarchuk.

Литература

- Адамова 2019 – *Адамова Т.В.* История богослужебного облачения на основании анализа памятников изобразительного искусства // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2019. Вып. 35. С. 9–32.
- Гукова 2015 – *Гукова С.Н.* Спас Недреманное око: к иконографии и содержанию образа // *Spicilegium Byzantino-Rossicum*: Сборник статей к 80-летию И.П. Медведева / Под ред. Л.А. Герд. М.; СПб.: Индрик, 2015. С. 131–154.
- Gaillard de Sémainville 2008 – *Gaillard de Sémainville H.* À propos de plaques-boucles mérovingiennes à motif chrétien // *Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre*. 2008. No. 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.openedition.org/cem/6752> (дата обращения 30.01.2021).
- Martin 1979 – *Martin M.* Die Romanen // *Ur- und frühgeschichtliche Archäologie der Schweiz*. Bd. 6. Basel: Schweizerische Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte, 1979. S. 11–20.
- Martin 1988 – *Martin M.* Bemerkungen zur frühmittelalterlichen Knochenschnalle eines Klerikergrabes der St. Verenakirche von Zurzach (Kt. Aargau) // *Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte*. 1988. No. 71. S. 161–177.
- Martin 2001 – *Martin M.* Frühmittelalterliche Reliquiarschnallen // *Sein und Sinn, Burg und Mensch*. St. Pölten: Niederösterreichische Landesausstellung, 2001. S. 360–365.

- Qutiérrez Cuenca, Hierro Gárate 2007 – *Qutiérrez Cuenca E., Hierro Gárate J.Á.* Nuevas perspectivas para la reconstrucción histórica del tránsito entre la Antigüedad y la Alta Edad Media en Cantabria: la necrópolis de Santa María de Hito // Nivel cero: revista del grupo arqueológico Attica. 2007. No. 11. P. 97–116.
- Qutiérrez Cuenca, Hierro Gárate 2015 – *Qutiérrez Cuenca E., Hierro Gárate J.Á.* ¿Gato burgundio por liebre omeya? [Электронный ресурс]. URL: <http://mauranus.blogspot.com/2015/01/gato-burgundio-por-liebre-omeya.html> (дата обращения 11.02.2021).
- Schulze-Dörrlamm 2009 – *Schulze-Dörrlamm M.* Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum, Teil II. Die Schnallen mit Scharnierbeschlag und die Schnallen mit angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des RömischGermanischen Zentralmuzeums, 2009. 408 S.

References

- Adamova, T.V. (2019), “The history of liturgical vestments based on the analysis of monuments of fine art”, *St. Tikhon's University Review, Series V: Issues of History and Theory of Christian Art*, vol. 35, pp. 9–32.
- Gaillard de Sémainville, H. (2008), “À propos de plaques-boucles mérovingiennes à motif chrétien”, *Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre*, no. 12, available at: <http://journals.openedition.org/cem/6752> (Accessed 30 Jan. 2021).
- Gukova, S.N. (2015), “The Sautoir of the Unsleeping Eye. On the iconography and content of the image”, in Gerd, L.A. (ed.), *Spicilegium Byzantino-Rossicum. Sbornik statey k 80-letiyu I.P. Medvedeva* [Collection of articles for the 80th anniversary of I.P. Medvedev], Indrik, Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 131–154.
- Martin, M. (1979), Die Romanen, in Drack, W. (ed.), *Ur- und frühgeschichtliche Archäologie der Schweiz*, vol. 6, Schweizerische Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte, Basel, Switzerland, ss. 11–20.
- Martin, M. (1988), “Bemerkungen zur frühmittelalterlichen Knochenschnalle eines Klerikergrabes der St. Verenakirche von Zurzach (Kt. Aargau)”, *Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte*, no. 71, ss. 161–177.
- Martin, M. (2001), “Frühmittelalterliche Reliquarschnallen”, in Daim, F. and Kühnreiter, T. (ed.), *Sein und Sinn, Burg und Mensch. Niederösterreichische Landesausstellung*, St. Pölten, Austria, ss. 360–365.
- Qutiérrez Cuenca, E. and Hierro Gárate, J.Á. (2007), “Nuevas perspectivas para la reconstrucción histórica del tránsito entre la Antigüedad y la Alta Edad Media en Cantabria: la necrópolis de Santa María de Hito”, *Nivel cero: revista del grupo arqueológico Attica*, no. 11, pp. 97–116.
- Qutiérrez Cuenca, E. and Hierro Gárate, J.Á. (2015), “¿Gato burgundio por liebre omeya?”, available at: <http://mauranus.blogspot.com/2015/01/gato-burgundio-por-liebre-omeya.html> (Accessed 11 Feb. 2021).

Schulze-Dörflamm, M., (2009), *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch Germanischen Zentralmuseum. Teil II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts*, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz, Germany.

Информация об авторе

Дарья М. Омельченко, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургского институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7; dorothy_om@mail.ru

Information about the author

Darya M. Omelchenko, Cand. of Sci (History), St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; bld. 7, Petrozavodskaya St., Saint Petersburg, Russia, 197110; dorothy_om@mail.ru